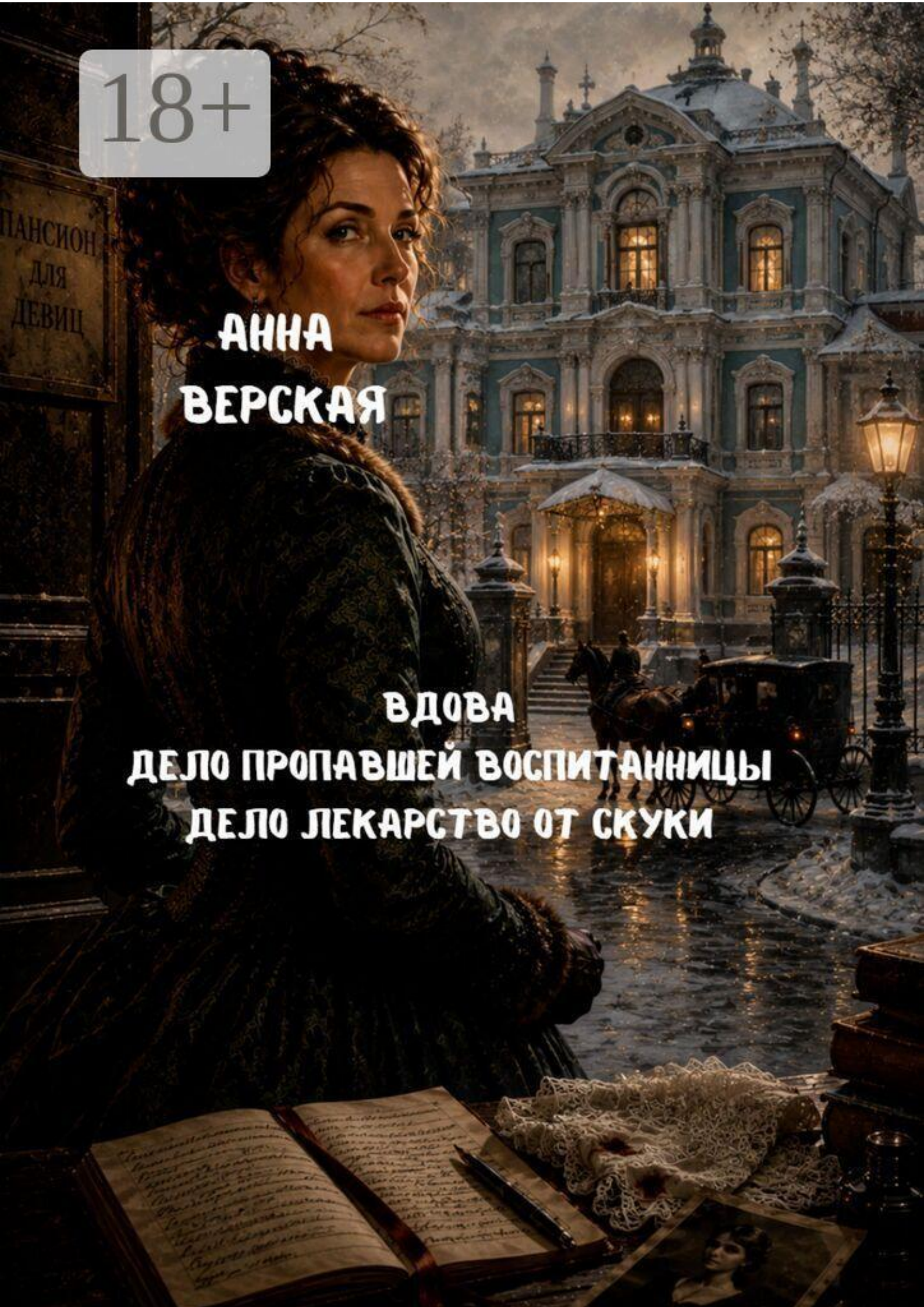

18+

**АННА
ВЕРСКАЯ**

**ВДОВА
ДЕЛО ПРОПАВШЕЙ ВОСПИТАННИЦЫ
ДЕЛО ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ**

Анна Верская

**Вдова. Дело пропавшей
воспитанницы. Дело
«Лекарство от скуки»**

«Издательские решения»

Верская А.

Вдова. Дело пропавшей воспитанницы. Дело «Лекарство от скуки»
/ А. Верская — «Издательские решения»,

Вдова. Дело о пропавшей воспитаннице Из пансиона для благородных девиц исчезает воспитанница, а позже её тело находят в Москве-реке. Полиция говорит — несчастный случай. Аглая Корелина говорит — убийство. И берётся за расследование. Вдова. Лекарство от скуки Ялта, 1874 год. В курортном пансионе умирает профессор. Все думают — сердце. Аглая Корелина думает — яд. А следы ведут к преступлению двадцатилетней давности

© Верская А.

© Издательские решения

Содержание

Дело пропавшей воспитанницы	6
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава шестая	21
Глава седьмая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вдова. Дело пропавшей воспитанницы. Дело «Лекарство от скуки»

Анна Верская

Иллюстрация *обложки* [https://chatgpt.com/backend-api/estuary/content?
id=file_00000000f5bc7246a159a447099c7bd1&ts=494910&p чат джпт](https://chatgpt.com/backend-api/estuary/content?id=file_00000000f5bc7246a159a447099c7bd1&ts=494910&p чат джпт)

© Анна Верская, 2026

ISBN 978-5-0070-5823-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дело пропавшей воспитанницы

Глава первая

Апрель в Москве выдался капризным. С утра солнце заливало Сытинский тупик таким щедрым светом, что Глафира, выйдя на крыльцо за углём, вернулась покрасневшая и объявила: «Весна, барыня! Ей-богу, весна! Скоро почки пойдут, а там и одуванчики». Но к полудню небо затянуло серой пеленой, подул северный ветер, и с карнизов перестало капать. Сосульки, ещё час назад ронявшие хрустальные слёзы, застыли, будто природа передумала плакать и решила ещё немного подержаться за зиму.

Аглая Матвеевна сидела у окна с вязанием. За последние годы кружевная шаль, начатая ещё в разгар истории с «Братством теней», изрядно удлинилась — теперь она свисала с колен почти до пола, и Глафира шутила, что к Троице барыня довяжет её до погреба и придётся привязывать к перилам. Спицы мелькали в пальцах с прежней сноровкой, но мысли Аглаи Матвеевны были далеки от узора. За последние месяцы она закрыла три сложных дела, и теперь, в вынужденном бездействии, чувствовала странную пустоту — как после генеральной уборки, когда всё уже натёрто до блеска, а ты стоишь и не знаешь, чем занять руки.

Вязание успокаивало. Оно давало рукам работу, а голове — возможность думать о чём-то, кроме преступлений. Но преступления, как назло, не шли из головы.

Дмитрий, уехавший в суд затемно, оставил на столе записку: «Вернусь поздно, слушается дело о векселях. Не ждите к ужину». Глафира, убравшая со стола, фыркнула:

— Ишь, векселя. А векселя-то, поди, липовые, как у того купца с Полянки, что в прошлом годе судился. Помните, барыня? У него ещё жена сбежала с фельдшером, а он векселями прикрывался, чтобы долги не платить. Векселя рисовал, как дети рисуют картинки. А потом ещё обижался, что его в тюрьму посадили.

— Помню, — рассеянно ответила Аглая Матвеевна. — Ты, Глаша, всё-то помнишь.

— А как же не помнить? — Глафира вытерла руки о передник и подошла поближе, понизив голос до заговорщицкого шёпота. — Я, барыня, вчера от молочницы такое слышала — обхохочешься. У наших соседей, Салтычихиных, что через два дома живут, беда. Прасковья-то, старшая дочь, сбежала. Говорят, с заезжим офицером. Мать теперь лежит пластом, а отец грозит в полицию идти. Да только что полиция? Офицер-то, рассказывают, уж третий день как из Москвы выехал. Ищи ветра в поле.

— Соседи, Глаша, — наставительно заметила Аглая Матвеевна, не отрываясь от спиц, — это чужая жизнь. А в чужую жизнь лезть без приглашения — последнее дело.

— Так я ж не лезу! — Глафира всплеснула руками. — Я ж только к слову. А ещё, слышали, у Калужских ворот новую лавку открыли? Французскую. Мыло там продают с запахом фиалки и ещё какое-то, розовое, для рук. Дорогущее — рубль за кусок. Говорят, все барыни туда ездят. Даже княгиня Белозерская заказывала. Я у её горничной спрашивала — та говорит, барыня в восторге.

— Вот пусть барыни и ездят. А нам с тобой, Глаша, и простого мыла довольно.

— Простое мыло, барыня, хорошо, да только от него руки сохнут. А у меня и так кожа — не дай бог. В прошлом годе, помните, я себе пальцы до крови расчесала, когда с этим мышьяком возилась в отраденском деле? — Глафира критически осмотрела свои красные, натруженные руки. — Мне бы теперь что-нибудь нежное. Может, всё-таки заказать у француза? Я бы сама заплатила.

— Ты сначала до лавки дойди, — усмехнулась Аглая Матвеевна. — А то пока дойдёшь, передумаешь. Ты же у нас скряга.

— Я не скряга, я бережливая, — обиделась Глафира. — Это разные вещи. Скряга деньги в чулок прячет, а я их с умом трачу. Вот, к примеру, вчера на рынке видела отрез отличной шерсти — всего по три рубля за аршин. Думаю, может, вам на новое платье? Серое-то ваше уже заносилось.

— Серое меня ещё не подводило, — ответила Аглая Матвеевна и перевела взгляд на окно. За стеклом ветер гнал по двору обрывки прошлогодних листьев. Где-то далеко, на Пресне, заливалась лаем собака. Утро текло медленно и тихо, как и положено утру в доме, где не случилось ничего страшного.

В прихожей хлопнула дверь — почтальон, как всегда, просунул корреспонденцию в проrezь и был таков. Глафира вышла и через минуту вернулась с одним конвертом.

— Вам, барыня. Без обратного адреса. И бумага дешёвая. Как бы не какая-нибудь просительница. — Она протянула конверт и осталась стоять рядом, явно надеясь, что барыня прочтёт вслух.

Аглая Матвеевна отложила вязание и взяла конверт. Бумага действительно была простой, жёлтоватой, какую продают в писчебумажных лавках по копейке за лист. Почерк на конверте — неровный, с наклоном влево, с кляксой на букве «ять». Так пишут либо в спешке, либо в слезах. От письма едва уловимо пахло ванилью — запах кондитерской, сладкий и почему-то грустный.

Она вскрыла конверт и прочла. Глафира, затаив дыхание, следила за выражением её лица.

— Что там, барыня? Опять кого-то убили?

— Пока не убили. Пока — исчезли. — Аглая Матвеевна перечитала письмо и задумчиво постучала пальцами по подлокотнику. — Девочка из пансиона. Говорят, сбежала с любовником. Подруга не верит. Просит помочь.

Она протянула письмо Глафире. Та, шевеля губами, прочла написанное, перекрестилась и вернула листок.

— Господи, опять сироты. И опять беда. Вы, барыня, возьмётесь? У вас ведь отпуск был. Сами говорили — месяц отдыха.

— Отдых, Глаша, — сказала Аглая Матвеевна, поднимаясь, — это не когда ничего не делаешь. Это когда делаешь то, что хочешь. А я хочу разобраться.

Она прошла к бюро, достала сафьяновый блокнот и записала на чистой странице:

«Елизавета Вяземская. Пансион Прибыловой. Исчезла. Версия о любовнике — ложь (со слов подруги). Полиция не помогла. Найти Ольгу К. и расспросить».

Потом она села за письменный стол и написала короткий ответ:

«Ольга. Я помогу вам. Завтра, в полдень, в кондитерской Вольфа на Тверской. Назовитесь швейцару, он проводит вас ко мне. Ждите. А. Корелина».

Запечатала конверт, надписала адрес пансиона и протянула Глафире:

— Найди мальчишку-посыльного. Пусть отнесёт немедленно.

— Будет сделано, — Глафира сунула письмо в передник и уже от двери обернулась. — Барыня, а можно я тоже в кондитерскую? Для поддержания сил? У них там миндальные пирожные — говорят, объедение.

— Можно. Но сначала — дело.

Глафира исчезла. Аглая Матвеевна осталась у окна, глядя на серое небо. Апрельский ветер швырял в стекло капли дождя, и по Сытинскому тупику, кутаясь в шинели, спешили редкие прохожие. Где-то в большом городе, в стенах благопристойного пансиона, молчала девушка по имени Ольга. Она ждала ответа.

И ответ пришёл.

Глава вторая

На следующее утро Аглая Матвеевна поднялась рано. За окном моросил мелкий, нудный дождь — не апрельский, весёлый, а какой-то осенний, затяжной, словно природа никак не могла решить, плакать ей или смеяться. В доме было тепло: Глафира, вставшая затемно, уже растопила печь и теперь хлопотала на кухне. Пахло свежесваренным чаем и поджаренным хлебом. Где-то в глубине сада, на старой яблоне, мокла одинокая ворона и время от времени издавала звук, похожий на скрип несмазанной петли.

— Доброе утро, барыня, — пропела Глафира, внося в гостиную поднос. — Я тут подумала: может, вам сегодня серое платье надеть? Оно у вас счастливое. Все дела в нём раскрыли.

— Серое так серое, — согласилась Аглая Матвеевна, принимая чашку. — Ответ от Ольги не приходил?

— Нет, барыня. Но мальчишка вчера клялся, что доставил записку прямо в руки швейцару. Так что, бог даст, получила она её.

— Вот и хорошо. Значит, в полдень ждёт нас в кондитерской.

Они выехали загодя, чтобы успеть к назначенному часу. Пролётка катилась по мокрой мостовой, разбрызгивая лужи. На Тверской, несмотря на дождь, былолюдно: дамы под зонтиками, разносчики с лотками, извозчики, переругивающиеся из-за места у тротуара. У входа в кондитерскую Вольфа и Беранже толпились студенты — кажется, праздновали сдачу экзамена.

Аглая Матвеевна оставила Глафиру в общем зале с твёрдым наказом «не объесться», а сама прошла к отдельному кабинету, который заказала накануне. Швейцар, предупреждённый заранее, проводил её и отдёрнул портьеру.

Кабинет был маленьким, но уютным. Стены, обитые тёмно-бордовым штофом, приглушали шум с улицы. На круглом столике, покрытом белой скатертью, стоял серебряный кофейник, две чашки и вазочка с сухим печеньем. За окном, затянутым кисеей, смутно угадывались силуэты прохожих. И здесь, у окна, сжавшись в комок, сидела девушка.

Ольга Корсакова оказалась именно такой, какой её вообразила Аглая Матвеевна по письму: худенькая, бледная, с тёмными кругами под глазами — теми, что бывают от бессонных ночей, а не от болезни. Одета она была в форменное платье пансиона — тёмно-синее, с белым воротничком, — и держалась скованно, как человек, который привык, что каждое его движение могут счесть нарушением правил. На коленях у неё лежала муфточка из дешёвого кроличьего меха, которую она нервно теребила. Перед ней стояла чашка шоколада — нетронутая, уже подёрнувшаяся плёнкой.

— Вы... вы Аглая Матвеевна? — спросила она дрожащим голосом, приподнимаясь. — Я Ольга. Ольга Корсакова. Это я вам писала. Спасибо, что пришли. Я боялась, что вы не ответите.

— Я всегда отвечаю, — сказала Аглая Матвеевна, опускаясь на стул напротив. — Садитесь, Ольга. И рассказывайте. Всё, что знаете. С самого начала. Без утайки. В письме вы многого не написали — я это чувствую.

Ольга покраснела и опустила глаза.

— Я боялась писать лишнее. Вдруг письмо попадёт не в те руки. Госпожа Прибылова читает нашу переписку. Она говорит — для нашей же безопасности. Но я знаю: она просто хочет всё контролировать. Если кто-то получит письмо без её ведома — накажет.

— Госпожа Прибылова — это начальница пансиона?

— Да. Анна Фёдоровна. Она... — Ольга запнулась, подбирая слово. — Она строгая. Очень строгая. Говорит, что мы должны быть благодарны, что нас вообще взяли в пансион. Что мы — сироты, бесприданницы, и никто, кроме неё, о нас не позаботится. И мы должны слушаться. Во всём.

— А если не слушаетесь?

Ольга промолчала, но её пальцы, теребившие муфточку, побелели.

— Хорошо, — сказала Аглая Матвеевна, наливая себе кофе. — Давайте по порядку. Расскажите мне о Лизе. Какой она была?

И Ольга заговорила. Сначала тихо, запинаясь, потом всё быстрее, словно боялась, что её прервут.

Лиза Вяземская была круглой сиротой. Её отец, небогатый помещик из Тамбовской губернии, умер, когда ей было пять лет. Мать скончалась через год. Других родственников не нашлось, и девочку отдали в пансион госпожи Прибыловой — одно из тех заведений, что принимают сирот из «благородных» семей и обучают их за скромную плату, вносимую опекунами советом. Лиза жила там с семи лет и знала пансион лучше всех. Она была весёлой, живой, острой на язык. Читала запоем, мечтала стать учительницей. Никакого любовника у неё не было — Ольга ручалась за это головой.

— Она была мне как сестра, — сказала Ольга, и голос её дрогнул. — Мы всё делали вместе. Она никогда бы не сбежала, не сказав мне. Никогда.

— Когда вы видели её в последний раз?

— Четыре дня назад. Вечером. Мы сидели в дортуаре. Лиза была какая-то странная. Молчала. Я спросила, что случилось. Она сказала: «Ничего. Завтра». А потом пришла m-lle Жаккар и велела гасить свет. Утром Лизина постель была пуста. И больше её никто не видел.

— M-lle Жаккар — это помощница начальницы?

— Да. Она швейцарка. Следит за порядком. Очень строгая. Если кто-то нарушает правила — записывает в книгу, а потом докладывает госпоже Прибыловой. Мы её боимся.

— Что сказала госпожа Прибылова, когда Лизы не оказалось?

— Она собрала нас всех в зале и сказала, что Лиза сбежала. Что она — лгунья и интриганка. Что она тайно принимала в саду офицера и что её видели с ним в ночь перед побегом. Она сказала, что Лиза опозорила пансион и что мы не должны о ней говорить.

— Вы поверили?

— Нет! — Ольга вскинула голову. — Лиза не могла. Она была честная. И офицера никакого не было. Я знаю. Я бы знала.

— Вы сказали об этом госпоже Прибыловой?

— Сказала. Она ответила, что я — глупая девчонка, которая ничего не понимает в жизни. И что если я буду задавать вопросы, меня тоже исключат. А мне некуда идти. — Ольга опустила глаза. — Я замолчала. Но я не поверила.

Аглая Матвеевна отпила кофе и задумалась.

— Ольга, — сказала она после паузы, — вы упомянули, что Лиза была напугана за день до исчезновения. Что именно она сказала?

Ольга наморщила лоб, припоминая.

— Мы сидели на подоконнике в коридоре. Она молчала, а потом вдруг сказала: «Я узнала такое, что мне не простят». Я спросила — что? Она покачала головой. Я спросила — от кого узнала? Она ответила: «Не важно. Я должна подумать. Я не знаю, что мне делать». И больше ничего.

— Она не назвала имён?

— Нет. Только сказала, что ей страшно. Что если то, что она узнала, — правда, то это очень, очень плохо. И что она не может молчать, но и говорить боится.

— Она была в тот день где-нибудь помимо пансиона?

— Нет. — Ольга задумалась. — Хотя... она ходила в библиотеку. У нас урок истории был, и она хотела взять книгу. Библиотека в конце коридора, рядом с кабинетом госпожи Прибыловой. Может быть, она что-то там увидела? Или услышала?

Аглая Матвеевна записала в блокнот: «Библиотека. Рядом с кабинетом Прибыловой. Возможно, Лиза что-то видела или слышала». Потом подчеркнула слово «кабинет» дважды.

— Что ж, Ольга, — сказала она, закрывая блокнот, — вы мне очень помогли. Теперь слушайте меня внимательно. Вы вернётесь в пансион и будете вести себя как обычно. Никаких вопросов, никаких расспросов. Если кто-то спросит, где вы были, скажете — ходили в церковь. Помолиться за Лизу. Это не вызовет подозрений.

— А вы?

— А я завтра приду в пансион. Под видом тётушки, которая ищет место для племянницы. Мы с вами не знакомы. Поняли?

Ольга кивнула.

— И ещё одно. — Аглая Матвеевна достала из муфты маленькую карточку. — Вот адрес моего поверенного. Если со мной что-то случится или если вы узнаете что-то важное — пошлите записку. Но только в крайнем случае.

Ольга взяла карточку дрожащими пальцами и спрятала в муфточку.

— Спасибо, Аглая Матвеевна. — Она подняла глаза, и в них стояли слёзы. — Я знаю, что вы поможете. Я чувствую.

Аглая Матвеевна встала.

— До свидания, Ольга. И помните: вы не одна. Теперь у вас есть союзник.

Она вышла из кабинета. В зале её ждала Глафира, которая за время разговора успела выпить две чашки кофе и съесть миндальное пирожное.

— Ну что, барыня? — спросила она, поднимаясь.

— Завтра идём в пансион, — ответила Аглая Матвеевна. — Ты — как моя горничная. Я — как почтенная вдова. Будем искать правду.

— А правда-то есть?

— Правда всегда есть, Глаша. Просто иногда она прячется. — Аглая Матвеевна взяла муфту и направилась к выходу. — Но мы её найдём.

Пролётка тронулась. За окнами проплывала весенняя Москва — мокрая, суетливая, ещё не проснувшаяся после зимы. Аглая Матвеевна смотрела на неё и думала о Лизе Вяземской. Где она сейчас? Жива ли? И что такого страшного она узнала в библиотеке рядом с кабинетом начальницы?

Ответы должны были найтись завтра. В пансионе госпожи Прибыловой.

Глава третья

Утро среды началось с того, что Глафира никак не могла найти чулки. Она перерыла комод, заглянула под кровать, перетряхнула саквояж и даже, к недоумению Аглаи Матвеевны, сунулась в буфет — «на случай, если домовый утащил». Чулки нашлись в переднике, куда Глафира сама же их и сунула накануне, «чтобы не забыть». После этого происшествия она окончательно уверилась в том, что день будет суматошным, и на всякий случай перекрестилась на икону.

К десяти утра всё было готово. Аглая Матвеевна надела серое шёлковое платье, то самое, проверенное, и дополнила его скромной брошью с агатом — вдова, но не бедная; почтенная, но не чопорная. Глафира облачилась в тёмно-синее платье горничной, накрахмалила передник и прихватила с собой ридикюль, в который, помимо носового платка и флакончика с нюхательной солью, предусмотрительно положила револьвер.

— Глаша, мы идём в пансион, а не на дуэль, — заметила Аглая Матвеевна.

— А я всегда так, — невозмутимо ответила Глафира. — В пансионах, барыня, тоже стреляют

Пролётка, нанятая на весь день, ждала у ворот. Кучер, пожилой рязанский мужик с бородой, похожей на замёрзший веник, нахлобучил шапку и тронул лошадей. Ехали молча. Глафира, сидевшая рядом с барыней, разглядывала проплывающие мимо дома и время от времени отпускала замечания вполголоса: «Ишь, занавески-то какие, бархатные», «А у этих ставни кривые — видать, хозяева бедствуют», «Смотрите, барыня, кошка на крыше — к дождю».

— К дождю? — Аглая Матвеевна покосилась на неё. — Ты же вчера говорила, что ворона на яблоне — к дождю.

— Так и ворона, и кошка — всё к дождю, — убеждённо ответила Глафира. — Разные приметы, а итог один. Мокро будет.

Пансион госпожи Прибыловой располагался на Большой Полянке, в двухэтажном каменном особняке с высокими окнами и строгим фасадом, выкрашенным в бледно-жёлтый цвет. Над входом висела вывеска: «Пансионъ для благородныхъ девицъ А. Ф. Прибыловой». Буквы были выведены золотом, но краска уже начала облупляться, и слово «благородныхъ» читалось с трудом. У ворот стоял швейцар — пожилой, с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дуба. Он лениво поднялся, услышав стук колёс, и, узнав, что прибыла дама по делу, посторонился.

Внутри было чисто и тихо. Пахло воском, сухими травами и ещё чем-то — едва уловимым, лекарственным. Может быть, лавандой. Аглая Матвеевна запомнила этот запах. Он напомнил ей о деле в театре — но сейчас было не время для воспоминаний.

Их провели в небольшую приёмную с высокими потолками и белыми стенами. На стенах висели гравюры — виды Москвы, портрет государя, карта Российской империи. В углу стояли напольные часы, которые мерно отбивали секунды. Мебель была тёмного дерева, добротная,

явно не из дешёвых. Аглая Матвеевна села на стул с прямой спинкой, Глафира встала у двери, всем своим видом показывая, что она здесь — лишь безмолвная тень.

Через несколько минут дверь отворилась, и в приёмную вошла начальница.

Анна Фёдоровна Прибылова оказалась женщиной лет пятидесяти, высокой, сухощавой, с благородной осанкой и холодными, ничего не упускающими глазами. Одета она была в тёмно-серое платье строгого покроя, с белым кружевным воротником, скреплённым брошью из агата. Волосы, тронутые сединой, были убраны в высокую причёску по моде середины шестидесятых годов — но держалась она так, будто мода вообще не имела над ней власти. Двигалась она плавно, говорила негромко, но каждое её слово звучало так, словно было вырезано из камня.

— Аглая Матвеевна Корелина, — представилась вдова, поднимаясь. — Я писала вам накануне. Моя племянница, дочь покойного брата, нуждается в хорошем пансионе.

— Да, я помню ваше письмо, — ответила Прибылова, указывая гостье на кресло. Сама она села напротив и сложила руки на коленях. — Расскажите о племяннице. Сколько ей лет? Какое воспитание она получила?

— Ей пятнадцать. Она читает по-французски, знает начала истории и географии. Играет на фортепиано. Характера, боюсь, несколько живого — но это возрастное.

— Живость характера — не порок, — заметила Прибылова, — если она не переходит в распушенность. Мы здесь воспитываем скромность и послушание. Девицы должны знать своё место в жизни. Особенно сироты.

— Моя племянница — не сирота, — мягко поправила Аглая Матвеевна. — У неё есть я. Но она нуждается в женском попечении.

— Понимаю. — Прибылова кивнула. — Что ж, я покажу вам пансион. Вы должны видеть, куда отдаёте девочку.

Она поднялась и повела Аглаю по коридору. Глафира следовала на почтительном расстоянии.

Пансион действительно выглядел безупречно. Коридоры были чисто выметены, на окнах висели свежие занавески, в классной комнате стояли ряды парт, и на каждой — чернильница с пером. В дортуаре, где спали воспитанницы, кровати были заправлены так аккуратно, что, казалось, ни одна девочка не осмеливалась повернуться во сне. Всё дышало порядком.

Но Аглая Матвеевна заметила то, чего не должна была видеть обычная посетительница: слишком дорогую мебель для благотворительного заведения. Ковры на полу — настоящие, персидские. Картины на стенах — пусть и скромные, но в золочёных рамах. Серебряный кофейник, мелькнувший в кабинете начальницы. И ещё — глаза. У некоторых воспитанниц, попадавшихся навстречу, были затравленные глаза. Они опускали взгляд при виде начальницы. Одна девочка, лет четырнадцати, едва не уронила книгу, когда Прибылова прошла мимо.

Аглая Матвеевна запомнила это.

В конце коридора они столкнулись с двумя людьми, которые явно не были воспитанницами.

Первой была m-lle Жаккар — швейцарка, помощница начальницы. Она оказалась невысокой, сухопарой женщиной лет сорока, с острым носом и бесцветными глазами. Одета она была в тёмно-зелёное платье, скроенное по строгой моде, и держалась так прямо, будто проглотила аршин. На поясе у неё висела связка ключей. Она поклонилась гостье без улыбки и что-то тихо сказала Прибыловой по-французски. Та ответила коротко, и m-lle Жаккар исчезла за дверью, даже не взглянув на Аглаю.

Вторым был учитель музыки — Аркадий Петрович Левицкий. Он оказался молодым человеком лет двадцати пяти, худощавым, с бледным лицом и длинными пальцами пианиста. Одет он был в сюртук, из которого давно вырос, и держался скованно, как человек, который привык, что на него не обращают внимания. При виде начальницы он вздрогнул и чуть не выронил папку с нотами.

— Аркадий Петрович, — произнесла Прибылова с холодной любезностью, — это Аглая Матвеевна Корелина. Она, возможно, отдаст свою племянницу в наш пансион.

— Очень приятно, — пробормотал Левицкий, кланяясь. — У вас есть вопросы по музыке? Я могу показать инструмент.

— Благодарю, — ответила Аглая Матвеевна. — Моя племянница играет на фортепиано. Я бы хотела услышать, как учат здесь.

Левицкий замялся, бросил быстрый взгляд на Прибылову. Та кивнула.

— Что ж, — сказал он, — прошу в класс.

Класс музыки был маленькой комнатой с единственным окном. У стены стояло старенькое пианино, на пюпитре лежали ноты — что-то из Моцарта. Левицкий сел за инструмент и заиграл — не Моцарта, а что-то другое, печальное, минорное. Играл он хорошо, но нервно: пальцы то и дело срывались, и он начинал фразу заново.

— Вы прекрасно играете, — сказала Аглая Матвеевна, когда он закончил.

— Благодарю. — Он не поднял глаз. — Это моя собственная соната. Я пытаюсь её закончить. Но...

— Аркадий Петрович — талантливый композитор, — перебила Прибылова, входя в класс. — Но мы здесь учим девиц, а не поощряем вольные сочинительства. Вы, кажется, хотели спросить что-то ещё?

— Да, — Аглая Матвеевна повернулась к ней. — Я слышала, у вас недавно случилось несчастье. Воспитанница сбежала?

Лицо Прибыловой не изменилось, но пальцы, сжимавшие брошь, чуть побелели.

— Это была дурная девушка, — сказала она ровно. — Мы делали для неё всё, что могли. Но она оказалась неблагодарной. Сбежала с офицером. Опозорила пансион. Я прошу вас не упоминать об этом при других воспитанницах. Им это вредно.

— Конечно, — ответила Аглая Матвеевна. — Я понимаю.

Левицкий, сидевший за пианино, опустил голову ещё ниже. Аглая Матвеевна заметила, что его руки дрожат. От холода? Или от страха?

Когда они вышли из класса, она спросила как бы между прочим:

— А где находится библиотека? Моя племянница очень любит читать.

— В конце коридора, — ответила Прибылова. — Но воспитанницам разрешается посещать её только с разрешения. Книги — это привилегия, не право.

Она сказала это так, будто книги были чем-то опасным. Аглая Матвеевна запомнила и это.

На обратном пути, уже в пролётке, Глафира долго молчала, а потом сказала:

— Барыня, я, конечно, не сыщик, но эта Прибылова — она как ледышка. У меня от неё мурашки. И учитель этот, Левицкий, — он её до смерти боится. Вы заметили?

— Заметила, — ответила Аглая Матвеевна. — А ещё ты заметила, что у него руки дрожали? И что он играл не учебную пьесу, а свою собственную сонату, полную тоски?

— Заметила. Будто хоронил кого-то.

— Вот именно, Глаша. Вот именно.

Дома Аглая Матвеевна села за бюро и записала в блокнот:

«Пансион Прибыловой. Первое впечатление: порядок показной, мебель слишком дорогая. Воспитанницы запуганы. Прибылова холодна, скрытна. М-лле Жаккар — тень. Левицкий — талантлив, нервничает, боится начальницу. Библиотека рядом с кабинетом — Лиза могла там что-то услышать».

Она перечитала запись и добавила:

«Спросить Ольгу о Жаккар и Левицком. Что они значат для пансиона?»

Затем она закрыла блокнот и долго сидела у окна, глядя на мокрые ветви яблони. Дождь всё не начинался, но небо было серым, и где-то далеко гремел первый весенний гром.

Глава четвертая

Утро пятницы началось с кофе. Глафира, повинувшись внезапному порыву, сварила его в турке — маленькой, медной, которую покойный Лев Николаевич когда-то привёз из Тулы. Турка эта обычно пылилась на полке, потому что Аглая Матвеевна предпочитала чай, а Дмитрий и вовсе пил что дадут. Но сегодня Глафира решила: «кофе — он мысли проясняет». И сварила. Густой, чёрный, с пенкой, которую она торжественно вылила в чашку.

— Вот, барыня, — сказала она, ставя чашку на стол. — Выпейте. И дайте я вам погадаю.

— Ты же не умеешь гадать, — заметила Аглая Матвеевна, но чашку взяла.

— А я у молочницы научилась, — возразила Глафира. — Она, знаете, всё про какого-то своего племянника гадает — то ли женится, то ли сопьётся. По гуще хорошо видно. Вы пейте, пейте, только на донышке оставьте.

Аглая Матвеевна сделала несколько глотков. Кофе был крепким, горьковатым, и действительно прояснял мысли. Она думала о вчерашнем визите в пансион. О холодных глазах Прибыловой. О дрожащих руках Левицкого. О запуганных девочках в коридорах. О том, что всё это пока не складывалось в картину, но ощущение беды — той самой, необъяснимой, что заставляет сжиматься сердце, — уже поселилось в ней.

— Ну, давайте, — Глафира взяла чашку и перевернула её на блюдце. Через минуту подняла, всмотрелась в узоры гущи. — Ой, барыня... Дорога. Дальняя дорога. И письмо. И ещё... Что-то тёмное. Как туча.

— Туча — это ты про погоду? — Аглая Матвеевна усмехнулась.

— Не знаю, — Глафира нахмурилась. — Но что-то нехорошее. Вы бы побереглись сегодня.

— Я всегда берегусь.

В прихожей хлопнула дверь. На этот раз не почтальон — шаги были тяжёлыми, уверенными, и через минуту в гостиную, не дожидаясь приглашения, вошёл Иван Петрович Зарубин. Он был в штатском пальто, с тростью, но без обычной своей сабли. Лицо его было мрачным.

— Аглая Матвеевна, — сказал он, опускаясь в кресло без приглашения. — Я знаю, что вы заняты. Но дело, которое вы начали... Боюсь, оно обернулось хуже, чем мы думали.

— Что случилось? — Аглая отставила чашку.

— Сегодня утром рыбаки вытащили из Москвы-реки тело. Молодая девушка. Лет семнадцати. — Зарубин помолчал. — На ней форма пансиона Прибыловой.

В комнате стало тихо. Глафира перекрестилась.

— Лиза, — тихо сказала Аглая Матвеевна. — Елизавета Вяземская.

— Да. — Зарубин кивнул. — Полиция уже там. Они считают — несчастный случай. Утопилась. Из-за несчастной любви. Пристав сказал: «Дело ясное, чего копать».

— Дело никогда не бывает ясным, если его не копать, — отрезала Аглая Матвеевна и встала. — Глаша, одеваться. Иван Петрович, вы проводите нас?

— Я за этим и пришёл. — Зарубин поднялся. — Но, Аглая Матвеевна, я должен предупредить: это зрелище не для дам.

— Я вдова, Иван Петрович. Я видела вещи пострашнее, чем утопленницы.

Участок, куда привезли тело, находился у Краснохолмского моста, неподалёку от того места, где рыбаки вытащили свой страшный улов. Это было приземистое каменное строение, пропахшее речной водой, сыростью и дешёвым табаком. У входа толпились зеваки, которых городской отгонял ленивыми окриками. Зарубин провёл Аглаю через боковой вход, минуя толпу.

Тело лежало в маленькой холодной комнате на деревянном столе. Лиза Вяземская. Семнадцать лет. Круглая сирота. Воспитанница пансиона. Теперь — просто тело на столе, накрытое грубой простынёй.

Аглая Матвеевна подошла ближе и осторожно откинула ткань.

Лицо Лизы было спокойным — но это было не спокойствие сна, а страшное, неестественное спокойствие смерти. Кожа приобрела синеватый оттенок, губы чуть приоткрыты, на виске — небольшой кровоподтёк. Но не это привлекло внимание Аглаи. Она наклонилась ниже, рассматривая то, что не заметил — или не захотел заметить — полицейский врач.

Запястья. На обоих запястьях — синяки. Характерные, продолговатые. Такие остаются, когда человека держат за руки. Сильно держат. Не дают вырваться.

Шея. Под подбородком, с левой стороны — царапины. Тонкие, но глубокие. Ногтями? Или чем-то острым? Она боролась? Или ей мешали кричать?

Руки. Аглая осторожно приподняла кисть и всмотрелась в ногти. Они были обломаны — несколько почти под корень. А под двумя уцелевшими ногтями она заметила то, что искала: крошечные волокна. Тёмные, почти чёрные, шерстяные. Она достала из муфты пинцет, осторожно извлекла несколько волокон и переложила в маленький бумажный конверт.

— Что вы делаете? — раздался голос за спиной.

Аглая обернулась. У двери стоял полицейский врач — пожилой, уса́тый, с лицом человека, который давно уже ничему не удивляется. Он смотрел на неё с подозрением.

— Я изучаю улики, — спокойно ответила Аглая. — Вы, кажется, не заметили синяков на запястьях. И царапин на шее. И волокон под ногтями.

Врач пожал плечами.

— Синяки могли появиться, когда тело несло по реке. Царапины — тоже. А волокна — может, от её же платья.

— Это шерсть, — сказала Аглая. — У погибшей платье хлопковое. Пансионское. А волокна — от дорогого сукна. Мужского пальто или мундира.

Врач нахмурился, но ничего не ответил.

Аглая повернулась к Зарубину:

— Иван Петрович, нужно провести нормальное вскрытие. И найти того, кто видел её в последний раз. Я уверена: её убили. И она боролась.

В пролётке, на обратном пути, Глафира сидела бледная и молчаливая. Аглая смотрела в окно. Дождь, которого они ждали всю неделю, наконец начался — мелкий, нудный, он барабанил по крыше экипажа и стекал по стёклам мутными дорожками.

— Барыня, — тихо сказала Глафира, — а ведь я ж её не знала, эту Лизу. А всё равно жалко. До слёз жалко.

— Мне тоже, — ответила Аглая. — Поэтому мы найдём того, кто это сделал.

Дома она первым делом прошла к бюро и записала в блокнот:

«Лиза Вяземская найдена в реке. Несчастный случай — ложь. Убийство. Синяки на запястьях — держали. Царапины на шее — боролась. Волокна под ногтями — дорогая шерсть. Сохранить и проверить».

Она перечитала запись, подчеркнула последнюю строчку и добавила:

«Завтра — снова в пансион. Найти того, кто носит дорогую шерсть».

Затем она закрыла блокнот и долго сидела у окна. Дождь всё шёл. Где-то на Большой Полянке, в стенах благопристойного пансиона, госпожа Прибылова, возможно, уже знала о том, что тело нашли.

Глава шестая

Вечер после осмотра тела Лизы Вяземской Аглая Матвеевна провела у себя в гостиной. Дождь, барабанивший по крыше весь день, к ночи стих, но за окнами было темно и сыро. Глафира, чтобы занять руки и успокоить нервы, гладила бельё — размеренно, с методичностью, которая успокаивала и её, и барыню. Утюг с глухим стуком скользил по наволочке, оставляя за собой полосы пара и запах чистого хлопка.

Аглая Матвеевна сидела за бюро. Перед ней лежал сафьяновый блокнот, исписанный записками, и конверт с волокнами шерсти, извлечёнными из-под ногтей убитой. Она перебирала факты, как Глафира перебирала бельё — тщательно, не пропуская ни одной складки.

Итак, что она знала наверняка?

Первое. Лиза Вяземская, воспитанница пансиона госпожи Прибыловой, найдена в Москве-реке. Полиция списала на несчастный случай, но улики говорили об обратном: синяки на запястьях — её держали. Царапины на шее — она боролась. Волокна дорогой шерстяной ткани под ногтями — она сопротивлялась и оставила след на одежде убийцы.

Второе. За день до исчезновения Лиза была напугана и сказала подруге: «Я узнала такое, что мне не простят». Она ходила в библиотеку, которая находится рядом с кабинетом Прибыловой. Что она там услышала? Или увидела?

Третье. В пансионе явно что-то скрывают. Слишком дорогая обстановка для благотворительного заведения. Слишком запуганные воспитанницы. Слишком много тайн.

— Глаша, — позвала Аглая, откладывая перо, — ты вчера говорила с горничной пансиона, пока я беседовала с Прибыловой. Что ты о ней думаешь?

Глафира отставила утюг и задумалась.

— О горничной? Хорошая женщина. Простая. Но запуганная. Говорит, Прибылова — зверь. Улыбается, а глаза холодные. Вроде и не кричит никогда, а все перед ней трясутся. Уволить может в любой момент, а места в Москве сейчас нет — сами знаете, сколько народу приезжает.

— А что она говорила о Лизе?

— Говорит, Лиза была смелая. Одна из немногих, кто не боялся. — Глафира взяла следующую наволочку. — Может, поэтому и погибла.

Аглая Матвеевна кивнула и снова склонилась над блокнотом. Она выписала имена всех, кто, по её сведениям, видел Лизу в последний день или мог с ней говорить. Список получился из пяти человек.

Первой в списке стояла сама Анна Фёдоровна Прибылова — начальница пансиона. Она последней говорила с воспитанницами на вечерней молитве. Она имела доступ к любой ком-

нате в любое время. Она знала всё, что происходит в пансионе. И она явно что-то скрывает — достаточно вспомнить, как побледнела, когда Аглая упомянула Лизу.

Второй — m-lle Жаккар, помощница. Швейцарка с ключами. Она обходила дортуары перед сном и могла заметить, что Лизы нет. Или, наоборот, могла вывести её из спальни, не вызвав подозрений. Она немногословна, но глаза у неё цепкие, как у хорька. И она предана Прибыловой — или боится её настолько, что выполнит любой приказ.

Третьим Аглая записала купца Гущина, попечителя пансиона. Севастьян Прохорович Гущин — богатый коммерсант, владелец нескольких мануфактур. В пансионе его видели часто — слишком часто для человека, который просто жертвует деньги. Ольга говорила, что он приезжал за день до исчезновения Лизы, был у Прибыловой в кабинете и вышел оттуда красный и злой. О чём они говорили? И почему Гущин, по словам горничной, «всегда привозит подарки» некоторым воспитанницам?

Четвёртым стал учитель музыки Левицкий. Он был влюблён в Лизу — или она в него, это ещё предстояло выяснить. Но в последний вечер Лиза приходила к нему, и он сам признался в этом при первой встрече. Он нервничал. Он боялся. Он что-то знает — и молчит.

Пятым Аглая записала околоточного надзирателя Семибратова. Этого человека она ещё не видела, но слышала о нём от Зарубина. Семибратов бывал в пансионе «по службе» — проверял соблюдение правил пожарной безопасности, порядок, документы. Но бывал он подозрительно часто. И, по словам горничной, всегда запирался с Прибыловой в кабинете. О чём может говорить полицейский чин с начальницей пансиона за закрытыми дверями?

Аглая перечитала список и задумалась. У каждого из этих людей была возможность поговорить с Лизой наедине. У каждого — или почти у каждого — был мотив. Но какой именно? Этого она пока не знала.

— Глаша, — сказала она, — завтра я начну с учителя музыки. Он самый нервный из всех. А нервные люди проговариваются первыми.

— А что ж с ним говорить? — Глафира отставила утюг. — Он же на себя не наговорит.

— Может, и наговорит. Если правильно спросить.

Она закрыла блокнот и подошла к окну. За стеклом чернел сад. Где-то далеко, на Большой Полянке, в окнах пансиона горел свет. Там, за этими окнами, жили девочки, которые боялись. Там работали люди, которые знали правду. И где-то там, возможно, до сих пор ходил убийца — в том самом сюртуке из дорогой шерсти, с царапинами на запястьях или с обломанными ногтями Лизы, застрявшими в ткани.

Завтра она начнёт задавать вопросы. А пока — чай, вязание и ещё одна бессонная ночь. Потому что спать спокойно, когда где-то рядом ходит убийца, Аглая Матвеевна не умела.

Глава седьмая

Утро понедельника началось с манной каши. Глафира, стоя у плиты, помешивала её деревянной ложкой с тем сосредоточенным выражением лица, какое бывает у алхимиков, варящих философский камень. Каша получилась без комков — Глафира знала секрет: молоко должно быть холодным, а крупу нужно сыпать тонкой струйкой, непременно помешивая по часовой стрелке. «Против часовой — к ссоре», — говорила она, и Аглая Матвеевна, не верившая в приметы, всё же никогда не мешала кашу сама.

За завтраком говорили о шерсти. Вернее, говорила Глафира, а Аглая слушала вполуха, думая о своём.

— Я, барыня, вчера на рынке видела отрез отличной шерсти, — рассказывала Глафира, накладывая кашу. — Тёмно-синий, почти чёрный. Дорогой — восемь рублей за аршин. Купец говорит, из Англии привезли. Я пощупала — мягкий, а ворс длинный. Сразу видно — господская вещь. Если из такого пальто сшить — на десять лет хватит.

— Ты к чему это, Глаша? — спросила Аглая, отрываясь от блокнота.

— А к тому, что волокна, которые вы из-под ногтей у Лизы достали, — они ж от такой же дорогой шерсти. Я сама видела: тонкие, длинные, и цвет глубокий. Такую простой люд не носит. Такую носит либо богатый купец, либо офицер в отставке. Либо кто-то, кто хочет выглядеть как богатый купец.

— Полезное наблюдение, — заметила Аглая Матвеевна. — Значит, убийца — человек с достатком. Или тот, кто имеет доступ к дорогой одежде.

— Вот-вот, — кивнула Глафира. — А ещё я подумала: может, это тот самый учитель? Ну, который музыке учит. Он хоть и бедный с виду, а может, у него пальто от прежних времён осталось? Или подарил кто?

— Вот это я и собираюсь выяснить. — Аглая отодвинула тарелку и поднялась. — Глаша, одеваться. Мы едем к Аркадию Петровичу Левицкому.

Учитель музыки жил на Сретенке, в доходном доме купца Полуянова — том самом, где когда-то держал салон граф-магнетизёр. Теперь дом обветшал: штукатурка облупилась, водосточные трубы проржавели, и на лестнице пахло уже не сандалом, а мышами и жареным луком. Глафира, поднимавшаяся следом, ворчала:

— И как он тут живёт? А ещё музыке учит. Небось, рояль у него поперёк комнаты стоит, и спать негде.

— У учителей музыки редко бывают рояли, — ответила Аглая Матвеевна. — Обычно они ходят по домам и играют на чужих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.